

НЭЛИАН БРО

Музыка
в клетке

Нэлиан Бро

Птичка в клетке

«Литнет»

2024

Бро Н.

Птичка в клетке / Н. Бро — «Литнет», 2024

— Пусти меня! — шиплю я, пытаюсь вырваться из крепких мужских лап.
— А то что, матери пожалуешься? Так ты уже пыталась... Напомнить мне, что она тебе сказала?— спрашивает меня отчим, скалясь. Он знает в каком я положении и активно этим пользуется.***В тексте присутствуют нелицеприятные вещи, нецензурная лексика, противостояние характеров и многое другое, что может не потянуть тонкая душевная натура.

© Бро Н., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1 глава	5
2 глава	8
3 глава	10
4 глава	12
5 глава	13
6 глава	16
7 глава	18
8 глава	21
9 глава	23
10 глава	25
11 глава	28
12 глава	31
13 глава	33
14 глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

1 глава

— Пусти меня! — шиплю я, пытаюсь вырваться из крепких мужских лап.

— А то что, матери пожалуешься? Так ты уже пыталась... Напомнить мне, что она тебе сказала? — спрашивает меня отчим, скалясь. Он знает в каком я положении и активно этим пользуется. Раньше это были простые намеки, но после того, как я решилась рассказать об этом своей матери, все стало гораздо хуже. Моя мать ни разу не встала на мою сторону. Она словно закрыла глаза на всё, что происходит в нашем доме. После моего признания она лишь усмехнулась, мол, это всё фантазии и подростковая впечатлительность. С тех пор доверие исчезло, как вода в песке. Каждый раз, когда я пыталась заговорить с ней о моей ситуации, натывалась на стену непонимания и упрёков.

— Я буду кричать! Думаешь меня никто из гостей не услышит? — решилась я, но тут мою щеку обжигает пощечина.

— Только попробуй, дрянь! Забыла кто в доме хозяин, так я напомним тебе ночью. Готовься!

Моя щека горит от пощечины, но боль быстро уступает место леденящему страху, который заполняет каждую клеточку моего тела. Гости внизу смеются и продолжают праздновать, ничто не выдает, что за этой дверью происходит. Я не могу найти в себе силы, чтобы выкрикнуть слова помощи, которые все равно, возможно, утонут в шуме вечеринки. Отчаяние охватывает меня, и я чувствую себя полностью беспомощной между хищными взглядами отчима и холодным безразличием мира за пределами этой комнаты.

Я отступаю назад, стараясь не давать ему повода для дальнейшего насилия. В голове рой мыслей, но ни одна из них не приносит утешения. Я думаю о разбитом доверии к матери, которая должна была стать моей защитой и опорой. Вместо этого я вижу её в воспоминаниях, как она отмахивается от моих слов, словно от надоедливой мухи, убедив себя, что её выбор в мужчине был правильным, даже когда это разрушает её дочь.

Обнимая себя руками, я отступаю в угол, как запертый зверёк в ловушке, втайне надеясь, что может быть сегодня ночь пройдет без его дальнейших поползновений. Возможно, во мне ещё теплится надежда. Но отчим уходит, оставляя после себя обещание приближающейся угрозы, и я остаюсь одна среди разломанного мира моей жизни, где никто и ничто не кажется надежным.

Как же так все вышло, где мы свернули не туда?

Моей матери сегодня исполнилось тридцать пять лет. Да, родила она меня слегка рановато, но что случилось, то случилось. На самом деле я благодарна ей за то, что она не сделала аборт в то время, когда ее на сносях бросил мой биологический отец... на которого я похожа как две капли воды, по ее словам. Просто мужик побоялся ответственности и сгинул в закат. Обычная история, как и у многих, но дело в том, что ради этого мудака мама отказалась от многого. От учебы, от начинающей карьеры модели и даже от родителей. Она так была в него слепо влюблена, что напрочь забыла о себе и как итог — мать одиночка в семнадцать лет. Красота! После такой фатальной ошибки, родительница попыталась вернуться в отчий дом, но, к несчастью, бабушка с дедушкой попали в автокатастрофу и мы остались одни. Благо, что квартира по наследству осталась в центре города, но этого ничтожно мало, когда на руках грудной ребенок.

Жить становилось все труднее. Маме пришлось бросить мечты о высшем образовании и карьере модели, чтобы обеспечивать меня и себя. Она устроилась на несколько работ сразу, чтобы как-то свести концы с концами: днем — секретарем в бюро, ночью — официанткой в кофейне. Каждая заработанная копейка уходила на оплату коммунальных услуг и покупку

самого необходимого. Но даже в такие тяжелые времена мама никогда не жаловалась и всегда находила в себе силы улыбаться.

Я росла, видя, как ей тяжело, и с самого детства старалась помочь, как только могла. Наверняка поэтому я рано повзрослела. Несмотря на все сложности, мама старалась дать мне всё необходимое. Она поддерживала мой интерес к учебе, покупала в рассрочку книги, которые я так любила, и часто повторяла, что образование — это единственный ключ к лучшему будущему. Такая поддержка была для меня самым ценным подарком. До момента пока в наш идеальный выстроенный мир не ворвался Данцкой Владимир Григорьевич. Мама тут же влюбилась в него с первого взгляда, и я была рада за нее. За шестнадцать лет она заслужила стать счастливой.

Однако счастье продлилось недолго. Мужчина сначала казался идеальным: внимательный, заботливый и обаятельный. Он подарил маме ту самую недостающую поддержку и внимание, которых ей так не хватало на протяжении всех этих лет. Я видела, как она расцветала рядом с ним, и не могла не радоваться её счастью. Буквально через три месяца они расписались. Мама не захотела пышной свадьбы, а отчим особо не настаивал, так прошло ещё пару месяцев. Но вскоре за этим красивым фасадом начали проступать трещины. Появились первые отголоски недовольства и тонкие, едва уловимые намёки на нечто более тёмное.

Со временем отношения Владимира и моей мамы стали меняться. Он всё чаще позволял себе грубые замечания, а иногда и вовсе терял над собой контроль. Редкие ссоры превращались в бурные скандалы, и я, прячась в своей комнате, старалась делать вид, что ничего не слышу. Моя мама, словно ослеплённая любовью, не замечала его настоящей натуры или, возможно, предпочитала её не замечать. Она возлагала на него все свои надежды и верила, что он — её единственный шанс на счастье.

Я же, напротив, становилась всё более настороженной. Каждый его мимолётный взгляд или слово могли запустить в голове сотни тревожных мыслей. Владимир Григорьевич всё сильнее пытался взять под контроль меня и мою жизнь. Он давал непрошенные советы и стремился решать, что для меня будет лучше, как будто я была вовсе не живым человеком, а вещью, входящей в его новую жизнь. И, пожалуй, самое страшное было осознавать, что мамино счастье превратилось в клетку, в которую она добровольно согласилась войти. А после начался мой персональный ад.

Я заметила, как Владимир Григорьевич начинал задерживаться возле меня чуть дольше, чем это было уместно. Его взгляды стали настойчивыми, комплименты — более откровенными, а прикосновения — навязчивыми. Это становилось пыткой, которую я не могла долго терпеть. Я была уверена, что если расскажу маме, то она мигом прекратит все это безобразие, но каково было мое удивление, когда меня обвинили в зависти ее счастью.

Я была ошеломлена и разочарована. Слова матери ударили по мне, как бритва: "Ты просто ревнуешь и пытаешься разрушить моё счастье!" Она смотрела на меня с таким недоверием, что я на мгновение засомневалась в собственной адекватности. Неужели я действительно так ревную её к этому человеку? Но где-то внутри я знала, что это просто отчаяние толкает её говорить такие вещи. Она вложила все свои надежды в нового мужа и была готова защищать его любой ценой. Это понимание не приносило утешения, а лишь усугубляло чувство бессилия.

Тогда я решила обратиться за помощью к школьному психологу в надежде, что взрослые сумеют вмешаться и изменить ситуацию. Однако я не учла, что за пределами школы никто особенно не хотел вникать в наши семейные дела. Психолог посочувствовал и пообещал поговорить с мамой, но это ни к чему не привело. Мама лишь озлобилась за то, что я "разгласила нашу личную жизнь" и ещё больше отдалилась от меня, плотно заняв позицию Владимира Григорьевича.

И уже как год, я борюсь с этим чудовищем один на один, который загнал не только мою мать, но и меня в клетку, выбраться из которой пока нет возможности. Но я обязательно найду выход и сбегу из этого места. Чего бы мне этого не стоило.

2 глава

— Анечка, где ты? — раздаётся в коридоре голос тети Таисии. Лучшая подруга мамы со времен школьной скамьи, которая помогала со мной нянчиться, пока та зашивалась на работах. Хорошая женщина.

— Теть Тась, я здесь! — решаюсь подать голос, который слегка охрип.

Тетя Таисия появилась в дверном проеме, обведя взглядом комнату. Ее глаза мягко остановились на мне.

— Чего в потемках стоишь? Пошли Лорика с днём рождения поздравлять. Влад торт уже достал, а ты здесь, — от всего этого представления, мое сердце сжимается в тиски.

Тетя Таисия смело подошла ко мне, её теплые глаза источали такую доброту, что мне захотелось задержаться в этом моменте как можно дольше. Она всегда была той тихой гаванью, где я могла спрятаться от бурь. Возможно, именно поэтому я не рассказывала ей о том, что произошло у нас дома — боялась лишиться единственного островка спокойствия среди штормов.

— Давай, не будем заставлять их долго ждать, — её голос, тихий и ласковый, вернул меня в реальность. — Твоя мама точно обидится, если ее дочь не спустится к ней. Все таки у нее юбилей — тридцать пять. А через месяц и тебя начнем поздравлять с твоим совершеннолетием.

Я машинально кивнула, изо всех сил стараясь скрыть лёгкую дрожь в руках. Воспоминания любезно подкинули слова отчима о том, что он собирается сделать со мной, когда я стану совершеннолетней. Отвратительно. Как же это отвратительно.

Мы вышли из комнаты, и тетя Таисия, почувствовав нерешительность в моем шаге, крепко взяла меня за руку. Ее прикосновение напоминало якорь, удерживающий меня от падения в бездну тревожных мыслей. Я старалась не показывать, как сильно нуждалась в этой поддержке, продолжая разыгрывать роль безмятежной рыжеволосой девчонки. Смешной, доброй и слегка наивной.

Спустившись в гостиную, мы окунулись в сборище гостей: Влад, его партнёры по бизнесу, новые мамины подруги с мужьями и детьми. Один из мужчин с улыбкой разливал шампанское, а Лариса, смеялась над чьей-то шуткой, держа в руках бокал. Торт стоял в центре стола, украшенный свечами, которые уже готовы были зажечь. Я почувствовала, как тетя Таисия слегка сжала мою руку, словно напоминая, что я не одна.

— Анна, ну наконец-то! — мама обернулась ко мне, ее глаза блестели от радости. — Мы уже начали думать, что ты решила пропустить мой праздник.

Я попыталась улыбнуться, но чувствовала, как мои губы дрожат.

— Прости, мам, задержалась.

Отчим стоял в углу, наблюдая за мной своим холодным взглядом. Его присутствие словно окутало комнату тяжелой пеленой, и я почувствовала, как сердце заколотилось быстрее. Тетя Таисия, словно почувствовав мое напряжение, мягко подтолкнула меня к столу.

— Давайте споем для нашей именинницы! — предложила она, и гости дружно подхватили идею. Я присоединилась к пению, стараясь не смотреть в сторону отчима. Но его взгляд, словно ледяной клинок, пронзал меня насквозь. Я знала, что этот вечер будет долгим, и мне придется играть свою роль до самого конца.

Песня закончилась, и гости дружно захлопали, поздравляя маму. Я постаралась улыбнуться, но внутри все сжималось. Отчим медленно приближался, его взгляд не отпускал меня. Я почувствовала, как тетя Таисия слегка прижала мою руку, словно пытаясь передать мне свою силу.

— Анна, помоги мне раздать торт, — вдруг сказала мама, и я с облегчением кивнула. Мы вместе подошли к столу, и я взяла нож, стараясь сосредоточиться на разрезании сладкого десерта. Но даже здесь, среди смеха и веселья, я чувствовала его присутствие.

— Спасибо, дочка, — мама улыбнулась мне, и на мгновение я забыла о тревоге. Но когда я подняла глаза, отчим стоял совсем близко, его улыбка была холодной и расчетливой. Я постаралась не дрогнуть, продолжая раздавать кусочки торта.

— Что ж... прошу всех за стол,— и все постепенно начали усаживаться на свои места, только вот мое место было рядом с Владом. Он как глава семьи восседал посередине стола, а мы с мамой должны были сесть по обе стороны от него.

— А можно мне сесть рядом с мамой?

— Аня, ну что за капризы? Сядь уже на свое место!

Я послушно опустила на стул рядом с отчимом, чувствуя, как его нога слегка касается моей под столом. Я резко отодвинулась, стараясь не привлекать внимания, но его взгляд, полный намеков, заставил меня сжаться внутри.

3 глава

Я старалась сосредоточиться на разговорах вокруг, на смехе гостей, на теплом свете свечей, но его присутствие было невыносимым. Каждый его взгляд, каждое движение казались угрозой, и я чувствовала, как внутри меня нарастает паника. Тетя Таисия, сидящая напротив, время от времени бросала на меня взгляды, полные заботы, но я не могла позволить себе показать, что происходит.

— Аня, ты почему такая тихая? — вдруг спросил Влад, его голос звучал громко и уверенно. — Ты же обычно такая болтушка.

Я заставила себя улыбнуться, стараясь выглядеть естественно.

— Просто наслаждаюсь моментом, — ответила я, но мой голос звучал чуть более хрипло, чем обычно.

Отчим усмехнулся, его рука нагло легла поверх моей под столом, и я почувствовала, как все внутри меня сжалось. Я резко встала, притворившись, что мне нужно что-то взять на кухне.

— Извините, я сейчас вернусь, — пробормотала я, стараясь не смотреть ни на кого.

В кухне я оперлась о стол, пытаясь успокоить дыхание. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я знала, что не могу оставаться здесь надолго, но и вернуться к столу было невыносимо.

Закрыв глаза, попыталась собраться с мыслями, но в голове крутились только ЕГО наглые прикосновения и этот пронзительный взгляд, который словно проникал под кожу. Вдруг за спиной раздались шаги, и я резко обернулась. Это был один из мужчин, приглашенный отчимом. Кажется, его звали Игнат.

— Птаха решила спрятаться в своей конуре? — спросил он, приближаясь к террасе, которая находилась за одной из дверей на кухне. Он достал из нагрудного кармана пиджака пачку сигарет.

Я молча наблюдала, как Игнат закуривает, его глаза блуждали по кухне, словно ища что-то или кого-то. Он казался спокойным, даже равнодушным, но в его взгляде была какая-то странная напряженность, которая заставляла меня насторожиться. Я попыталась отвлечься, открыв шкафчик и делая вид, что ищу что-то внутри, но руки дрожали, и я едва могла удержать ручку.

— Тебе помочь? — внезапно спросил он, сделав шаг в мою сторону. Его голос был тихим, но в нем чувствовалась какая-то настойчивость, которая заставила меня внутренне сжаться.

— Нет, спасибо, — быстро ответила я, стараясь звучать уверенно, но мой голос снова предал меня, дрогнув. Я закрыла шкафчик и сделала шаг назад, чувствуя, как стена за спиной становится единственной опорой.

Игнат усмехнулся, выпуская кольцо дыма, и медленно подошел ближе. Его взгляд скользнул по моему лицу, и я почувствовала, как внутри все леденеет. Он остановился в шаге от меня, его глаза были холодными и оценивающими, словно он пытался понять, что я скрываю.

— Ты выглядишь так, будто тебе нужен свежий воздух, — сказал он, указывая головой на дверь, ведущую на террасу. — Пойдем, подышим. Здесь слишком душно.

Я колебалась, понимая, что это не лучшая идея, но и оставаться в кухне с ним было невыносимо. Сделав глубокий вдох, я кивнула и медленно направилась к двери, чувствуя, как его взгляд следует за мной. Лучше я останусь наедине с этим человеком, чем со своим отчимом.

Я вышла на террасу, и прохладный ночной воздух обнял меня, словно пытаюсь успокоить. Звезды мерцали в небе, но их свет казался далеким и холодным, как будто они наблюдали за мной с безразличием. Игнат вышел следом, закрыв за собой дверь, и тишина вокруг стала еще более гнетущей. Он молча стоял рядом, затягиваясь сигаретой, его глаза были устремлены куда-то вдаль, но я чувствовала, что его внимание все еще приковано ко мне.

— Ты не из тех, кто любит шумные компании, да? — наконец произнес он, его голос звучал спокойно, но в нем была какая-то скрытая угроза.
Я пожала плечами, стараясь не показывать, как его слова задевают меня.
— Просто сегодня не мой день, — ответила я, глядя на свои руки, которые все еще дрожали.

Игнат усмехнулся, бросив окурочку на пол и раздавив его ногой.
— Знаешь, я всегда замечаю, когда кто-то пытается скрыть страх, — сказал он, делая шаг в мою сторону. — И ты, красотка, не очень хорошая актриса.

Я почувствовала, как сердце снова начинает бешено колотиться. Его слова звучали как обвинение, и я не знала, что ответить. Он был слишком близко, его дыхание смешивалось с холодным воздухом, и я почувствовала, как внутри меня нарастает паника. Я попыталась отступить, но спина уперлась в перила террасы.

— Я... мне нужно вернуться, — прошептала я, но он не двинулся с места. Его глаза сверкнули, и он наклонился чуть ближе, его голос стал тише, но от этого только страшнее.
— А что, если я скажу, что тебе лучше остаться здесь? — произнес он, и его слова повисли в воздухе, как лезвие, готовое упасть.

Я почувствовала, как ноги подкашиваются, а в горле пересохло. Его слова, его близость, его холодный, оценивающий взгляд — все это слилось в один сплошной кошмар, из которого я не могла выбраться. Я попыталась отодвинуться, но перила террасы не давали мне пространства для маневра. Сердце колотилось так сильно, что казалось, он слышит его стук.

— Пожалуйста, — прошептала я, едва слышно, но он только усмехнулся, как будто моя слабость доставляла ему удовольствие.

— Пожалуйста, что? — спросил он, наклоняясь еще ближе. Его голос был мягким, почти ласковым, но в нем чувствовалась опасность, которая заставляла меня внутренне сжаться. — Ты боишься? Или, может, тебе нравится, когда тебя пугают?

Я не ответила, не могла. Мои мысли путались, и я чувствовала, как слезы подступают к глазам, но я не могла позволить себе заплакать. Не перед ним. Не сейчас.

— Я не хочу тебя обидеть, — продолжил он, его голос стал еще тише, почти шепотом. — Но и ты сама понимаешь, что здесь ты будешь в безопасности, чем там.

Его слова звучали зловеще, но в них была и какая-то странная уверенность, как будто он знал, что я действительно не смогу уйти. Но и этот человек меня пугал. Он будто видел меня и мое положение в доме насквозь. Я почувствовала, как внутри меня что-то ломается, и я готова была кричать, бежать, делать что угодно, только бы оказаться подальше от него.

— Игнат Борисович, — раздался вдруг голос из двери, и я резко обернулась, увидев тетю Таисию, стоящую на пороге. Ее лицо было серьезным, а взгляд — твердым. — Анечка, тебя ищут.

Игнат медленно отступил, его лицо снова стало равнодушным, как будто ничего не произошло. Он кивнул тете Таисии и, не сказав ни слова, прошел мимо нее, оставив меня одну на террасе.

Я стояла, дрожа, чувствуя, как слезы наконец прорываются наружу. Тетя Таисия подошла ко мне, обняла и тихо прошептала:

— Все будет хорошо, моя девочка. Я не позволю им тебя обидеть.

Ее слова звучали как обещание, но я знала, что это только начало. И что бы ни случилось дальше, я не смогу избежать того, что ждет меня в этом доме.

4 глава

— Таисия, спасибо за предложение, но Анна останется дома! — пригвоздил голос отчима, от которого внутренности скручивало в тугой узел.

— Ну действительно, Тай, зачем ей переезжать к тебе? Да и сейчас у нее подготовка к экзаменам. Такой стресс для подростка ее возраста, а так наш водитель ее отвезет и привезет, — вклинилась в разговор мать, а я лишь молча слушала их разговор за дверь.

Я прижалась к стене, стараясь не дышать, чтобы не выдать своего присутствия. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно даже через дверь. Руки дрожали, а в горле стоял ком, который не давал сделать и глотка. "Они снова решают за меня," — пронеслось в голове. "Как будто я вообще не имею права голоса."

— Но она же уже взрослая, ей скоро восемнадцать! — возразила Таисия, и в ее голосе слышалась нотка раздражения. — Она сама может решать, где ей жить.

— Взрослая? — отчим фыркнул, и его голос стал еще жестче. — Она даже уроки без напоминаний делать не может. Какая уж тут самостоятельность? За ней нужен глаз до глаз.

Я сжала кулаки, чувствуя, как гнев поднимается изнутри. Конечно, он не отпустит меня, когда скоро наступит тот день в котором он сможет мной воспользоваться, если я к этому времени не сбегу из этого места.

Я медленно отодвинулась от двери, стараясь не скрипнуть полом. В голове крутились мысли, каждая из которых билась, как птица в клетке. "Нужно что-то делать. Нужно уйти. Но куда?"

Я знала, что тетя Тася — моя единственная надежда, но даже она не сможет противостоять отчиму, если он решит забрать меня силой. Он всегда добивался своего, и мать никогда не перечила ему. «Скоро он переступит черту," — пронеслось в голове. Я знала, что это лишь вопрос времени. И если я не уйду до этого момента, то уже не смогу. Его власть в этом доме была абсолютной, и мать всегда поддерживала его, словно боялась даже мысли о непослушании. Спасибо на том, что они дали возможность тете Тасе переночевать в доме после дня рождения, когда все гости разъехались. Хотя бы сегодня ночью я могу не переживать насчет приставаний Влада, побоится действовать в присутствии подруги матери.

Я тихо прошла в свою комнату, закрыв дверь на ключ. Сердце все еще бешено стучало, а мысли путались, как клубок ниток. Я села на кровать, обхватив голову руками, и попыталась успокоиться. "Нужно думать, нужно действовать," — повторяла я про себя, но страх и бессилие сковывали меня, как цепи. Я знала, что у меня нет времени на сомнения. Каждый день, проведенный в этом доме, приближал меня к той черте, за которой уже не будет пути назад.

Я тихо прошла в свою комнату, закрыв дверь на ключ, хотя знала, что это не остановит его, если он действительно захочет войти. Сев на кровать, я уставилась в окно, за которым медленно опускались сумерки. Мысли путались, но одна из них была ясной: я не могу оставаться здесь. Не могу ждать, пока он решит, что настал его момент. Я должна действовать, пока еще есть хоть какая-то возможность.

Внезапно в коридоре послышались шаги. Я замерла, прислушиваясь. Это был отчим. Его тяжелые шаги приближались к моей двери, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он остановился, и на мгновение в комнате воцарилась тишина. Я сжала руки в кулаки, готовая к чему угодно. Но через несколько секунд шаги удалились, и я смогла выдохнуть. "Он проверяет," — поняла я. Он всегда проверял, всегда контролировал.

5 глава

Проснувшись от чужого присутствия в своей комнате, я не спешу открывать глаза, так как по запаху могу сказать кто стоит рядом с моей кроватью. Отчим собственной персоной.

Я лежала неподвижно, стараясь не выдать, что проснулась. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, и от этого внутри все сжималось в комок страха. Руки его скользнули по краю кровати, и я почувствовала, как матрас слегка прогнулся под его весом. Он наклонился ближе, и его запах — смесь табака и его парфюма — заполнил пространство вокруг. Я едва сдерживала дрожь, которая пыталась прорваться наружу.

— Спишь? — прошептал он, и его голос был настолько тихим, что казалось, он боялся разбудить даже воздух. Я не ответила, продолжая притворяться спящей. Его рука медленно двинулась в мою сторону, и я почувствовала, как пальцы коснулись моих волос. Они скользнули по рыжим прядям, будто изучая их, и я едва сдержала порыв отшатнуться.

— Ты гораздо, красивее своей матери, — прошептал он, и в его голосе прозвучало что-то странное, почти восхищение, но с примесью чего-то темного, опасного. — Такая нежная. Такая хрупкая.

Его пальцы продолжали скользить по моим волосам, а затем медленно опустились на щеку. Прикосновение было легким, почти невесомым, но от него по коже побежали мурашки. Я сжала зубы, чтобы не выдать себя, но сердце бешено колотилось в груди, словно пытаясь вырваться наружу. Он замер на мгновение, будто прислушиваясь к моему дыханию, а затем его рука снова двинулась. Я почувствовала, как его пальцы коснулись моего подбородка, слегка приподнимая его. Внутри все кричало, чтобы я оттолкнула его, вскочила с кровати, убежала, но я оставалась неподвижной, словно парализованная страхом. Его дыхание стало еще ближе, и я почувствовала, как его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от моего.

— Ты и представить себе не можешь... — прошептал он, и его голос дрогнул. — Как сложно мне сдерживаться рядом с тобой.

В этот момент я почувствовала, как его губы коснулись моих в легком поцелуи.

Я замерла, словно каменная, не в силах пошевелиться. Его губы были теплыми, но это тепло не приносило утешения — оно обжигало, как огонь, оставляя следы страха и отвращения. Он отстранился на мгновение, и я почувствовала, как его дыхание стало еще тяжелее, еще неровнее. Его рука все еще лежала на моем подбородке, пальцы слегка сжали его, будто он боялся, что я исчезну, если ослабит хватку.

— Ты такая... особенная, — прошептал он, и в его голосе снова прозвучало это странное сочетание восхищения и чего-то зловещего. — Я всегда знал, что ты не такая, как все.

Его дыхание стало еще тяжелее, и я почувствовала, как его рука скользнула вниз, к моей талии. Внутри все сжалось в комок ужаса, и я едва сдерживала крик, который рвался наружу. Его пальцы коснулись моего бока, и я почувствовала, как они дрожат, будто он сам боится того, что делает.

— Ты не представляешь, как я стараюсь, — прошептал он, и его голос был настолько тихим, что казалось, он боится услышать сам себя. — Но ты... ты сводишь меня с ума.

Его рука снова двинулась, и я почувствовала, как она скользит по моему бедру. В этот момент я поняла, что больше не могу терпеть. Я резко открыла глаза, и наши взгляды встретились. Его глаза были темными, почти черными, и в них читалось что-то, что заставило меня содрогнуться.

— Что ты делаешь? — прошептала я. Голос предательски дрожал, хотя я старалась звучать твердо.

Он замер, будто удивленный тем, что я проснулась, но через мгновение его лицо исказилось странной улыбкой.

— Ты проснулась, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то, что заставило меня почувствовать себя еще более уязвимой. — Ну что ж, теперь ты знаешь.

Я попыталась отодвинуться, но его рука, словно железная хватка, удерживала меня на месте. Сердце бешено колотилось в груди, каждая клетка тела кричала о необходимости бежать, но я была парализована, словно в ловушке собственного страха. Его глаза не отрывались от меня, и в них читалась смесь желания и чего-то более темного, более опасного.

— Ты не можешь просто уйти, — прошептал он, и его голос звучал как предупреждение, как угроза. — Ты всегда была здесь, даже когда тебя не было.

Я почувствовала, как его рука снова двинулась, на этот раз к моему лицу. Его пальцы коснулись моей щеки, и я содрогнулась от их холодного прикосновения. Он наклонился ближе, и его дыхание, горячее и тяжелое, обожгло мою кожу.

— Ты не понимаешь, — продолжил он, и его слова звучали как заклинание, как попытка оправдать то, что он делал. — Ты всегда была моей. С самого начала.

Я закрыла глаза, пробуя отгородиться от его слов, от его прикосновений, но они проникали внутрь, как яд, отравляя каждую мысль. Внутри меня боролись страх и гнев, но я знала, что должна сохранять спокойствие, иначе все могло закончиться гораздо хуже.

— Пожалуйста, остановись, — прошептала я, и мой голос был едва слышен, но он услышал.

Влад замер на мгновение, и в его глазах мелькнуло что-то, что могло быть сожалением. Но это было лишь мгновение. Его рука снова двинулась, и я поняла, что слова здесь больше не помогут.

Я почувствовала, как его пальцы сжимают мою щеку сильнее, и боль пронзила меня, словно напоминание о том, что я не могу больше оставаться пассивной. Мое дыхание участилось, и я попыталась отстраниться, но его хватка была неумолима. Внутри меня вспыхнула ярость, горячая и неконтролируемая, и я поняла, что если не сделаю что-то сейчас, то потеряю себя навсегда.

— Нет, — вырвалось у меня, и мой голос звучал тверже, чем я ожидала. — Я не твоя и никогда не была твоей.

Его глаза сузились, и в них вспыхнул огонь, который заставил меня содрогнуться. Он наклонился еще ближе, и его губы почти коснулись моего уха.

— Ты ошибаешься, — прошептал он, и его голос был полон уверенности, которая пугала меня еще больше. — Ты просто не хочешь признать правду.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Мое тело дрожало, но я знала, что должна действовать. Собрав всю свою волю, я резко дернулась в сторону, пытаюсь вырваться из его хватки. Мужчина не ожидал этого, и его рука на мгновение ослабла. Этого было достаточно.

Я оттолкнула его изо всех сил и бросилась к двери, сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот вырвется из груди. За спиной я услышала его шаги, быстрые и решительные, и поняла, что у меня есть только один шанс. Моя рука дрожала, когда я схватилась за ручку двери, и я почувствовала, как его пальцы снова смыкаются на моем плече.

— Ты никуда от меня не убежишь, — прорычал отчим, и в его голосе звучала ярость, которая заставила меня замереть, но лишь на мгновение.

Я резко дернула ручку двери, но она не поддавалась. Сердце упало, когда я поняла, что она заперта. Его дыхание стало еще ближе, и я почувствовала, как его рука сжимает мое плечо все сильнее, словно он пытался вдавить меня в пол. Внутри меня все кричало, но я знала, что крик не поможет — он только разозлит его еще больше. Я повернула голову, и наши взгляды снова встретились. Его глаза горели, как угли, и в них читалась решимость, которая пугала больше, чем его слова.

— Я несовершеннолетняя...

— Это не долго. Я умею ждать, Анна.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодный пот, а в горле застрял комок страха. Его слова, произнесенные с такой уверенностью, словно он уже видел будущее, в котором я принадлежу ему, заставили меня содрогнуться. Я попыталась снова дернуться, но его хватка была как железные тиски, не оставляя мне шансов на побег.

— А теперь будь умницей, вернись на кровать. Мы же не хотим разбудить остальных, правильно?

Вот и что я должна делать в этот момент? Биться в истерики, разозлив дикого зверя, или же молча подчиниться, тогда меня отпустят хоть и на короткий срок — выбор вполне очевиден.

Делаю еле заметный кивок головой, дожидаясь когда пальцы отчима ослабнут, после чего иду обратно к своей постели. Я села на край кровати, стараясь дышать ровно, чтобы не выдать своего страха. Руки дрожали, но я сжала их в кулаки, пытаюсь собрать остатки сил. Влад стоял в дверях, его взгляд был пристальным, словно он пытался прочитать мои мысли. Я опустила глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом, чувствуя, как его присутствие давит на меня, как тяжелый камень на груди.

— Ты все понимаешь, да? — его голос был тихим, но в нем звучала угроза, которая заставляла меня содрогнуться. — Не делай глупостей, Анна.

6 глава

Время на часах шесть часов утра. Уже как час прошел, как мой личный кошмар покинул комнату, оставив меня в покое. Я не сомкнула глаз. Смотрела в потолок и вспоминала, когда мы с мамой были по-настоящему счастливы. Я лежала, прислушиваясь к тишине, которая казалась теперь такой громкой. Каждый звук за окном — щебет птиц, шум проезжающей машины — отзывался в моей голове, как эхо из другого мира. Мира, где я еще могла чувствовать себя в безопасности. Но сейчас эта безопасность была лишь иллюзией, разбитой на тысячи осколков. Я закрыла глаза, пытаясь представить мамину улыбку, ее теплые руки, которые обнимали меня так крепко, будто могли защитить от всего на свете. Но даже эти воспоминания казались далекими, словно их стерло время.

Сейчас даже сама родительница изменилась. С бледной кожей, осунувшаяся и с каждым днём вид ее был хуже и хуже. У меня даже закралось подозрение, что отчим мог ее чем-то травить.

Я встала с кровати, чувствуя, как холодный пол проникает в мои ступни, словно напоминая о реальности, от которой я так отчаянно пыталась убежать. Подошла к окну, прижала лоб к стеклу и смотрела на улицу, где жизнь шла своим чередом. Хотелось кричать во все горло, чтобы кто-то заметил, что здесь, за этим окном, есть кто-то, кто больше не может дышать, кто задыхается от тишины и одиночества. Но я молчала, как всегда. Так как в этом не было смысла. После переезда в частный дом жизнь разделилась на «до» и «после».

Руки дрожали, когда я попыталась отойти от окна. Взгляд упал на фотографию на комод — мы с мамой, улыбающиеся, счастливые. Это было давно, еще до того, как он появился в нашей жизни. Я взяла рамку в руки, ощущая, как слезы подступают к глазам. "Почему ты не видишь, мама? Почему ты не замечаешь, что происходит?" — прошептала я, но ответа, конечно, не последовало. Она была слишком поглощена им, слишком занята тем, чтобы угодить ему, чтобы заметить, как я медленно исчезаю.

Я положила фотографию обратно, чувствуя, как гнев и бессилие смешиваются внутри меня. В голове снова всплыли подозрения, которые я старалась загнать в самый дальний угол сознания. Что, если он действительно что-то делает с ней? Что, если это не просто мои фантазии? Я в очередной раз сжала кулаки, пытаясь подавить страх, который поднимался из глубины души. От этих частых манипуляций на моих ладонях остались глубокие следы ногтей, но я не обращала особого внимания, ведь раны на сердце кровоточили сильнее.

Я подошла к двери, прислушиваясь к звукам за ней. Тишина. Владимир, должно быть, ушел на работу, как обычно. Но даже мысль о том, что отчим может вернуться в любой момент, заставляла мое сердце биться чаще. Я взяла телефон в руки, прокручивая контакты в поисках кого-то, кому могла бы довериться. Но кто поверит? Кто поверит девочке, которая живет в красивом доме, у которой, казалось бы, есть все? Они скажут, что я выдумываю, что я просто подросток, который не может справиться с переменами.

Я опустила телефон на кровать и подошла к зеркалу. Отражение, которое смотрело на меня, было бледным, с темными кругами под глазами. Я не узнавала себя. Где та девочка, которая смеялась, которая верила, что все будет хорошо? Она исчезла, как и мама. Я провела рукой по лицу, пытаясь стереть следы усталости, но это было бесполезно. Усталость была не на лице, она была внутри, глубоко в душе, где уже не оставалось сил бороться.

Будильник должен прозвенеть лишь через полчаса, так что у меня есть время привести свой внешний вид в порядок и отправиться в школу.

Я медленно оделась, стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания. Каждое движение давалось с трудом, словно тело сопротивлялось, не желая возвращаться в этот мир, где я была

невидимой. Зеркало снова поймало мой взгляд, и я отвернулась, не в силах смотреть на свое отражение. Оно напоминало мне о том, что я больше не та, кем была раньше.

Взяла рюкзак, ощущая его тяжесть, как будто он был наполнен не учебниками, а камнями. Шаги по коридору казались громкими, хотя я старалась идти как можно тише. Каждый звук заставлял меня вздрагивать, будто я ожидала, что он появится из ниоткуда, как это бывало раньше. Я задержалась у двери маминой комнаты, прислушиваясь. Тишина. Она, должно быть, еще спит, но как оказалось нет. Женские голоса раздавались из столовой, где вчера мы праздновали день рождения. В этих голосах я узнала тетю Таисию и мамин голос. Интересно, чего это им не спится в такую рань?

Я замерла, пытаюсь уловить слова, но они звучали приглушенно, словно намеренно скрывались от чужих ушей. Сердце заколотилось сильнее, и я почувствовала, как ладони становятся влажными. Что они могли обсуждать в такое время? Почему мама не спит? Я сделала шаг ближе, прижав ухо к двери, но тут же отпрянула, услышав, как стул скрипнул на полу. Кто-то встал. Я затаила дыхание, боясь, что меня заметят.

Голоса стали громче, и я наконец разобрала отдельные фразы. "Ты должна что-то сделать, Лариса, — говорила тетя Таисия, — это уже слишком. Я вижу, как она страдает." Мама ответила что-то тихо, почти шепотом, но я не смогла разобрать слова. В ее голосе звучала усталость, а может, даже отчаяние. Я почувствовала, как комок подступил к горлу. Они говорили обо мне?

— Думаешь твоя беременность что-то изменит? — опять спрашивала тетя, но я была не в состоянии услышать ответ от матери, так как слова о беременности набатом били по вискам.

Беременность? Мама беременна? Слова тети Таси прозвучали как удар. Я не могла поверить в то, что слышала. Как это возможно? Почему она ничего не сказала? Сердце заколотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Я прижала ладонь ко рту, чтобы заглушить звук собственного дыхания, боясь, что они услышат меня.

Голоса в столовой продолжали звучать, но теперь я уже не могла сосредоточиться на их словах. В голове крутились одни и те же вопросы: как это произошло? Что это значит для нас? Для меня? Я чувствовала, как земля уходит из-под ног, словно все, что я знала, рушилось в одно мгновение.

7 глава

В любом другом положении, я бы порадовалась за свою мать. Но сейчас, после того что произошло в моей комнате ночью, я боюсь за нее. Мало ли что взбредет в больную голову отчима. В этом я убедилась окончательно — он больной ублюдок, от которого следует бежать, сверкая пятками.

— Доброе утро, Анна. Вы будете завтракать перед отъездом?— раздался голос нашей домработницы у меня за спиной. Рита одна из немногих, которая знает то, что происходит здесь, но делает вид, будто она немая и глухая. Хорошее качество для сотрудника, но плохое для человеческого отношения.

Резко обернувшись, стараюсь скрыть растерянность на лице. Девушка в униформе стояла в дверях, держа в руках поднос с чашкой кофе и свежей выпечкой. Ее взгляд был спокоен, почти безразличен, но я чувствовала, что она все видит, все понимает.

— Спасибо, Рита, я... я не голодна, — пробормотала я.

— Как скажете, — она кивнула и направилась к столовой, оставив меня одну в коридоре.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, пытаюсь собраться с мыслями. Беременность мамы... Это объясняло ее странное поведение в последние недели: усталость, частые головные боли, нежелание обсуждать планы на будущее. Но почему она молчала? Почему не сказала мне? И знает ли об этом отчим? Столько вопросов и ни одного ответа.

Из столовой снова донеслись голоса, но теперь они звучали громче, словно спор накалялся. Я не могла больше стоять в стороне. Собрав всю свою волю, я сделала шаг вперед, решив войти и спросить обо всем напрямую. Но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась мама. Мы смотрели друг на друга так, будто видели впервые друг друга. Скорее всего, она ищет подтверждение тому, слышала ли я их разговор с тетей или же нет.

— Я все слышала, мам,— не стала скрывать очевидного.— Владимир Григорьевич в курсе?— при упоминании отчима, она вздрогнула.

Мама медленно закрыла за собой дверь, ее лицо было бледным, а глаза полны тревоги. Она сделала шаг ко мне, но остановилась, словно боясь подойти ближе.

— Анна, я... я хотела тебе сказать, но не знала, как, — ее голос дрожал, и она опустила взгляд. — Я боялась твоей реакции.

— Моей реакции? — я не смогла сдержать горечи. — Мам, ты беременна, а я узнаю об этом случайно, подслушав разговор. Ты думаешь, это правильно?

Она вздохнула, сжав руки в кулаки. — Влад знает. Он... он не в восторге, но говорит, что все будет хорошо.

— Хорошо? — я не смогла сдержать сарказма. — Мам, ты видела, как он себя ведет? Ты действительно веришь, что с ним все будет "хорошо"?

Она молчала, и в ее глазах читалась растерянность. Я поняла, что она сама не знает, что делать, и это пугало меня еще больше.

— Мам, тебе нужно уйти от него, — сказала я тихо, но твердо. — Пока не поздно.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнула тень сомнения. — Анна, это не так просто. У нас есть обязательства, планы...

— Планы? — я перебила ее. — Мам, ты думаешь, он позволит тебе строить планы? Ты сама видишь, что он делает с нами.

Она опустила голову, и я поняла, что она боится. Боится его, боится перемен, боится всего. Стоило только мне сделать шаг в сторону матери, как на улице раздался звук подъезжающего автомобиля.

— Анна, тебе пора, Алексей подъехал. Возьми с собой завтрак,— она протянула в мою сторону пакет, который я ранее не заметила, а в нем находился бокс с едой.

— Тогда поговорим позже, когда я вернусь с учебы,— пообещала я ей, выходя из дома.

Холодный утренний воздух ударил мне в лицо. На улице уже ждал Алексей, водитель Владимира. Он стоял у машины, куря сигарету, и даже не посмотрел в мою сторону, когда я подошла. Я села на заднее сиденье, чувствуя, как холодное кожаное сиденье проникает сквозь тонкую ткань школьной юбки. Алексей завел двигатель, и мы тронулись. Я смотрела в окно, но пейзаж за стеклом казался размытым, как будто я видела его сквозь слезы, которых даже не было. В голове снова всплыл фрагмент разговора с мамой.

Машина остановилась у школы, и я вышла, чувствуя, как тяжесть рюкзака тянет меня вниз. Алексей даже не попрощался, просто уехал, оставив меня одну перед зданием, которое казалось таким же холодным и безразличным, как и все вокруг. Я сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с силами, чтобы войти внутрь.

Школа являлась для меня некой отдушиной, где я могла спрятаться от отчима. Я готова днями и ночами здесь торчать, только бы не возвращаться домой, но к сожалению я не могу себе этого позволить. Только я собираюсь войти в здание, как кто-то позади меня орет, да так громко, что я невольно останавливаюсь:

— Эй, Птаха, притормози!

«Птаха»

Не сложно догадаться кто стоит за моей спиной. Все учащиеся начинают оборачиваться на голос мужчины, а мне так неловко становится, что я, не найдя лучшего решения, быстро убегаю по лестнице, скрываясь за дверьми учебного заведения.

Каково черта Игнат приперся сюда? Что ему надо? Ещё не хватало партнеров отчима, которые преследуют меня возле школы с утра пораньше!

Я нахожу первое попавшееся окно, которое выходит на школьный двор. Там стоит черная машина, возле которого находится Игнат. Внедорожник, стоящий рядом, выглядит дорого и внушительно, словно подчеркивая статус своего владельца. Сам же мужчина одет с иголочки: строгое пальто черного цвета, наброшено поверх костюма, дорогие наручные часы. Его лицо гладко выбрито, а черные волосы зачесаны в модную прическу. Даже и не скажешь что он ровесник Владимира. Отчим тоже следил за собой и в свои сорок пять выглядел неплохо. Одна из причин почему мама в него влюбилась, жаль только что она не смогла рассмотреть его нутро. Теперь та я знаю, что человека нельзя судить по внешности.

Я прижимаюсь к стене, стараясь не выдать своего присутствия. Сердце колотится так громко, что кажется, его слышно даже на улице. Игнат стоит, неспешно оглядывая школьный двор, будто ждет кого-то. Его взгляд скользит по окнам, и я инстинктивно отшатываюсь, хотя знаю, что он вряд ли заметит меня отсюда. Что ему нужно? Почему он здесь? Вопросы крутятся в голове, но ответов нет.

Внезапно он достает телефон и начинает набирать номер. Я замираю, словно это может помочь мне услышать его разговор. Но расстояние слишком велико. Мужчина говорит что-то коротко, потом кладет трубку и снова оглядывается. Его лицо остается невозмутимым, но в глазах читается какое-то напряжение. Может, он ищет меня? Или это просто совпадение?

Я решаю не рисковать и отхожу от окна. Мысли путаются, но я стараюсь сосредоточиться. Если он действительно пришел сюда из-за меня, то нужно действовать осторожно. Вспоминаю, как отчим всегда говорил, что этот человек опасен, что с ним лучше не связываться. Но почему он появился именно сейчас? Неужели вчерашний инцидент поспособствовал этому?

Сделав глубокий вдох, я принимаю решение пойти в класс. Может, это просто моя паранойя, и Игнат здесь по своим делам. Но чувство тревоги не отпускает. Я крадусь по коридору, стараясь не привлекать внимания. Если он действительно ищет меня, то последнее, что мне нужно, — это попасться ему на глаза.

Я захожу в класс, стараясь выглядеть спокойной, но внутри все кипит. Одноклассники, как обычно, шумят, обсуждая что-то, но я едва могу сосредоточиться на их разговорах. Сажусь за свою парту, кладу учебник перед собой, но мысли продолжают крутиться вокруг Игната.

Вчера мужчина дал четко понять, что он знает о домогательствах со стороны отчима ко мне. Но это не меняет ситуацию. Даже если Игнат и готов помочь мне, то уверена цена за это будет астрономической. Такой человек не упустит своей выгоды.

Внезапно дверь класса открывается, и я вздрагиваю. Но это всего лишь учительница, которая начинает урок. Я стараюсь сосредоточиться на ее словах, только выходит паршиво, мысли снова и снова улечиваются.

Ольга Константиновна начинает объяснять новую тему, но я едва могу уловить смысл ее слов. В голове крутится только одно: что делать, если Игнат действительно ищет меня? Может, стоит попытаться поговорить с ним? Но страх перед его холодным расчетом и возможными последствиями перевешивает.

Мои пальцы нервно теребят край учебника, а сердце продолжает биться с бешеной скоростью. Я пытаюсь представить, как бы поступил отчим в такой ситуации, если бы я сбежала от него в класс. Но его действия — непредсказуемы. Игнат, кажется, еще более опасен. Он не станет действовать в открытую, но и его методы могут быть куда более изощренными.

Внезапно в коридоре раздается шум, и я невольно вздрагиваю. Кто-то проходит мимо нашего класса, и я замираю, ожидая, что дверь неожиданно откроется. Но ничего не происходит. Учительница продолжает говорить, а я снова пытаюсь вникнуть в ее слова.

Вот же засада. И так дома ощущаю себя беспомощной, так теперь ещё и в школе.

Прозвучал звонок. На перемене я решаю не выходить из класса, хотя обычно иду в столовую. Одноклассники зовут меня с собой, но я отказываюсь, ссылаясь на головную боль. На самом деле, я боюсь, что Игнат может быть где-то рядом, ждет момента, чтобы поймать меня. Я сижу за партой, глядя в окно, и замечая, что черный внедорожник все еще стоит на месте.

К моей парте подходит Софа. Она какое-то время мнетя, а после протягивает руку с листком, говоря:

— Ань, тут тебе записку передали.

Мне не нужно спрашивать от кого она. Беру сверток из рук одноклассницы, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Бумага сложена аккуратно, но на ней нет имени. Разворачиваю ее и читаю: «Не прячься, милая. Нам все равно предстоит с тобой разговор.»

8 глава

И что мне теперь делать с этой информацией? Может проигнорировать? Не удивлюсь, если мужчина припрется к нам в дом. Отчим, конечно, его не любит, но и не пустить не может. Больно много дел повязано на Игнате Борисовиче.

Я сжимаю записку в руке, чувствуя, как тревога сжимает горло. Мысли путаются, и я не могу решить, что делать. Игнат не из тех, кто просто так отступит. Если он хочет поговорить, то найдет способ, независимо от того, буду ли я прятаться или нет. Но разговор с ним — это последнее, чего я хочу. Вспоминаю наш с ним последний диалог на террасе: его холодный взгляд и резкие слова, которые оставили ощущение, будто я сделала что-то непростительное.

Софа смотрит на меня с беспокойством, но я отворачиваюсь, чтобы она не заметила, как мне страшно. «Все нормально?» — спрашивает она, но я лишь киваю, не в силах вымолвить ни слова. Мне хочется спрятаться, исчезнуть, чтобы никто не мог найти. Но это невозможно. Игнат знает, где я живу, где учусь, и знает даже то, что происходит за стенами нашего дома.

Звонок на урок прерывает мои размышления. Я медленно встаю, записку засовываю в карман, стараясь не думать о ней. Но она словно жжет, напоминая о себе с каждым шагом. Учитель начинает объяснять очередную тему по биологии. В голове крутится только одно: что, если Игнат действительно придет домой? Отчим, конечно, не станет его выгонять, он слишком зависит от него. А мама... Мама, как всегда, промолчит, стараясь не лезть в мужские дела.

Я смотрю на часы, считая минуты до конца урока. Может, стоит просто уйти из школы пораньше? Но куда? Домой? Туда, где он может появиться в любой момент? Или, может, к подруге? Но я не хочу втягивать никого в свои проблемы. Остается только ждать и надеяться, что Игнат передумает. Хотя я знаю, что это пустые надежды.

И снова звонок на перемену, на этот раз мне не удастся отсидеться в классе, так как данную аудиторию должны занять другие учащиеся. Я медленно собираю вещи, чувствуя, как записка в кармане будто становится тяжелее. Выхожу в коридор, где шум и смех одноклассников кажутся такими далекими. Я останавливаюсь у окна, глядя на школьный двор. Может, стоит просто уйти? Пока я в очередной раз пытаюсь создать в своей голове маломальский план побега, краем глаза замечаю, как кто-то стоит в дальнем конце коридора. Сердце замирает, когда я понимаю, что это Игнат. Он смотрит прямо на меня, и его взгляд словно пронзает насквозь. Что ж... Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал!

Замираю на месте, чувствуя, как кровь отливает от лица. Игнат медленно идет в мою сторону, его шаги размеренные, словно он наслаждается моментом. Я оглядываюсь по сторонам, ища выход, но коридор заполнен учениками, и я понимаю, что убежать незаметно не получится. Рука непроизвольно сжимает записку в кармане, будто она может стать каким-то щитом. Но это иллюзия. Игнат уже рядом, и его холодный голос раздается прямо над ухом:

— Ну здравствуй. Соизволила, наконец-то, выйти из своей норы?

Я пытаюсь что-то сказать, но слова встали поперек горла. Он берет меня за локоть, и его прикосновение кажется ледяным. Пальцы больно впиваются в мою кожу, оставляя синяки.

— Не устраивай сцену, — шепчет он, — это ни к чему не приведет.

Я киваю, понимая, что сопротивляться бесполезно. А тем временем Игнат ведет меня к выходу, в сторону своего черного внедорожника.

Я иду рядом с ним, словно в тумане, ноги подкашиваются, но я стараюсь держаться. Его машина стоит у ворот школы, и я понимаю, что все, кто увидит нас, подумают, что это просто родственник или знакомый. Никто не догадается, что происходит на самом деле. Игнат открывает дверь пассажирского сиденья, и я сажусь, чувствуя, как сердце бьется так сильно, что кажется, вот-вот вырвется из груди. Он садится за руль, заводит двигатель, и машина плавно трогается с места.

Я смотрю в окно, пытаюсь отвлечься, но пейзажи за стеклом сливаются в одно серое пятно. Игнат молчит, но его молчание давит сильнее любых слов. Я знаю, что он ждет, когда я заговорю первой, но я не могу. У меня даже и в мыслях нет идеи о чем можно разговаривать с этим человеком. Наконец, он нарушает тишину:

— Ты, наверное, думаешь, что можешь просто игнорировать меня? — его голос звучит спокойно, но в нем слышится угроза. — Это не сработает, Птаха. Ты знаешь, что я всегда добиваюсь своего.

Я молчу, сжимая руки в кулаки, чтобы они не дрожали. Он поворачивает голову в мою сторону, и я чувствую его взгляд, будто он просверливает меня насквозь.

— Так как вчера нас прервали на самом интересном, — продолжает он, — то говорить мы будем сейчас.

Машина сворачивает на пустынную дорогу, и я понимаю, что он везет меня куда-то, где никто не сможет нас услышать. Страх окутывает меня с головой до пят, но я знаю, что кричать бесполезно. Остается только ждать и надеяться, что этот диалог закончится быстрее, чем я боюсь.

9 глава

— Выйдешь за меня, после того как день рождение отметишь!

Игнат не спрашивает, а утверждает. Мне даже в какой-то момент кажется, что я ослышалась.

— Что?— глупо переспрашиваю мужчину, сильнее сжимая в руках лямки школьной сумки.

— Пока перевари эту информацию,— говорит он, а сам тянется рукой к телефону, который разрывается от звонка.

— Слушаю!

Я могу предположить, кто ему мог позвонить, но гоню эти мысли в дальний угол.

— Владимир Григорьевич, спокойно. Анечка со мной и ей ничего не угрожает.

Отчим. Я так и знала. Ему уже доложили, что меня из школы забрал Игнат.

Игнат кладет трубку, не утруждая себя объяснениями. Его лицо остается непроницаемым, словно каменная маска. Я смотрю на него, пытаюсь уловить хоть какую-то эмоцию, но он словно вырезан из гранита. Машина едет по пустынной дороге, и я чувствую, как каждый поворот приближает меня к чему-то неизбежному.

— Ты понимаешь, что у тебя нет выбора, да? — его голос звучит тихо, но с такой уверенностью, что мне хочется сжаться в кресле.

— Слишком молода, чтобы решать за себя. Я сделаю это за тебя. Ты будешь счастлива, даже если сейчас не веришь.

Его слова звучат как приговор. Я чувствую, как слезы подступают к глазам, но сжимаю зубы, чтобы не заплакать. Плач сейчас — это слабость, а слабость не прощают. Я знаю это слишком хорошо.

— Я не хочу, — шепчу я, едва слышно, но он слышит. Его губы растягиваются в улыбке, холодной и безжизненной.

— Ты хочешь, — поправляет он. — Просто еще не осознала этого. Но я помогу тебе понять.

Все они понимают лучше, чем я сама. Что отчим, что мать, так теперь к этому списку и этот мужчина прибавился.

Я хочу возразить, сказать, что мне всего семнадцать, что я еще не готова к таким решениям, но слова снова застревают в горле. Игнат смотрит на дорогу, но я чувствую, что его внимание полностью сосредоточено на мне. Он знает, что я не смогу сопротивляться. Не в своем положении между молотом и наковальней. Обычно выбираешь меньшее из зол, но если брать во внимания отчима, я хотя бы имею представление чего ожидать, в отличие от Игната, который для меня является темной лошадкой. Кто сказал, что с ним мне будет лучше? А если все только усугубится?

Машина замедляет ход, и я замечаю, что мы подъезжаем к большому дому, окруженному высоким забором. Ворота открываются автоматически, и Игнат въезжает на территорию, не говоря ни слова. Я смотрю на дом, пытаюсь понять, что ждет меня внутри, но мое воображение отказывается работать. Все, что я вижу, — это холодные стены и закрытые ставни.

— Выходи, — его голос звучит как команда, и я машинально подчиняюсь, чувствуя, как ноги подкашиваются. Он обходит машину и берет меня за руку, его пальцы сжимают мое запястье так крепко, что я едва сдерживаю вскрик.

— Ты привыкнешь, — говорит он, словно читая мои мысли. — Здесь тебе будет лучше, чем там.

Мы поднимаемся по ступеням, и я чувствую, как сердце бьется так сильно, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Дверь открывается, и я вижу просторный холл, освещенный мягким

светом. Но даже этот свет не может скрыть ощущения, что я попала в ловушку. Игнат отпускает мою руку и делает шаг вперед, оборачиваясь ко мне.

— Ты здесь не одна, — говорит он, и в его голосе звучит что-то, что заставляет меня вздрогнуть. — Но помни, ты теперь моя. Никто тебя не тронет, так что бояться тебе нечего.

Я стою в холле, чувствуя, как холодный воздух обволакивает меня, словно невидимые цепи. Игнат исчезает в одной из дверей, оставляя меня одну, но его слова продолжают звучать в моей голове, как эхо. Я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти хоть что-то знакомое, что могло бы успокоить мое сердце, но все вокруг кажется чужим и враждебным. Стены, украшенные старинными картинами, смотрят на меня с безразличием, а тишина, наполняющая дом, кажется злобещей.

Ступени лестницы, ведущей на второй этаж, скрипят под чьими-то шагами. Я замираю, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Из тени появляется женщина, ее лицо скрыто под вуалью, но я ощущаю на себе ее пристальный взгляд. Она медленно спускается вниз, и я замечаю, как ее пальцы слегка дрожат, когда она протягивает руку в мою сторону.

— Добро пожаловать, — ее голос звучит тихо, почти шепотом, но в нем слышится что-то странное, как будто она говорит не со мной, а с кем-то другим. — Тебе нужно отдохнуть. Игнат позаботился обо всем.

Я хочу что-то сказать, спросить, где я, кто она, но слова застревают в горле. Женщина берет меня за руку, и ее прикосновение кажется ледяным. Она ведет меня по коридору, и я чувствую, как стены смыкаются вокруг, словно пытаюсь поглотить меня. Дверь в конце коридора открывается, и я вижу комнату, обставленную с изысканной простотой. Но даже здесь, в этом, казалось бы, безопасном месте, я не могу избавиться от ощущения, что за мной наблюдают.

— Ты будешь здесь, пока не привыкнешь, — говорит женщина, отпуская мою руку. — Не пытайся сопротивляться. Это только усложнит все.

Она уходит, оставляя меня одну в этой странной комнате. Я сажусь на край кровати, чувствуя, как страх и растерянность сжимают мою грудь. За окном темнеет, и я понимаю, что здесь, в этом доме, время течет иначе. Оно словно застыло, оставив меня наедине с моими мыслями и страхами. Но самое страшное — это осознание, что я больше не принадлежу себе.

10 глава

Во всей этой тишине раздается знакомая мелодия моего смартфона. Радует то, что у меня не пытались отобрать единственную вещь, связывающую меня с внешним миром. Рыскаю в сумке, я нахожу долгожданный гаджет. На экране высвечивается номер отчима. Пока я размышляю стоит ли мне принимать звонок от него, телефон замолкает и по новой начинает трезвонить. Он же не успокоится, пока я не возьму эту чертову трубку.

Я смотрю на экран, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Владимир Григорьевич. Его имя вызывает смесь страха и гнева, но сейчас, в этой чужой комнате, оно кажется почти утешительным. Хотя бы что-то знакомое. Я нажимаю на кнопку ответа, поднося телефон к уху, но не успеваю сказать ни слова.

— Где ты? — его голос звучит резко, почти как удар. — Почему не отвечала? Ты вообще понимаешь, что происходит?

Я открываю рот, чтобы ответить, но сказать мне нечего, так что просто молчу. Как объяснить то, чего сама не понимаешь? Как сказать, что я здесь, в этом доме, с человеком, который, кажется, решил, что я теперь его собственность? Отчим не ждет моего ответа.

— Ты должна вернуться. Сейчас же. Ты не представляешь, что натворила. Игнат — это не шутки, тебе это ясно? Он не тот, с кем можно играть.

Его слова звучат как угроза, но в них я слышу что-то еще. Тревогу? Или страх? Я никогда не слышала, чтобы Владимир боялся. Он всегда был тем, кто внушал страх другим. Но сейчас его голос дрожит, и это заставляет меня сжаться вунутри.

— Я не могу, — наконец выдавливаю я, едва слышно. — Он... он сказал, что я должна выйти за него замуж.

На другом конце провода наступает тишина. Я слышу, как мужчина тяжело дышит, словно пытается сдержать гнев. Потом он говорит, и его голос звучит уже не так резко, а скорее устало:

— Я разберусь. Но пока... пока не делай глупостей. Вспомни о том, что у тебя мать беременна и ей нельзя нервничать!

Я замираю, чувствуя, как слова отчима вонзаются в меня, как нож. Мама. Она всегда была моей слабостью, моей ахиллесовой пятой. Владимир знает это. Он всегда знал, как надавить, чтобы я сломалась. Но сейчас его слова звучат не как угроза, а как предупреждение. И это пугает еще больше.

— Я... я постараюсь, — шепчу я, хотя сама не уверена, что это значит. Постараюсь не делать глупостей? Постараюсь не сойти с ума? Постараюсь не думать о том, что Игнат, этот человек, который сейчас где-то в этом доме, может войти в комнату в любой момент?

Связь обрывается, и я остаюсь одна, с телефоном в руке, который теперь кажется бесполезным куском пластика. Я смотрю на экран, где высвечивается надпись "Вызов завершен", и чувствую, как слезы снова подступают к глазам. Но плакать нельзя. Только не сейчас. Но почему так плохо? Почему нельзя просто оставить меня в покое и дать возможность наслаждаться жизнью обычной девушки? Где я согрешила? За что мне такие испытания?

За дверью слышатся шаги. Тяжелые, уверенные. Я замираю, чувствуя, как сердце снова начинает бешено колотиться. Дверь открывается, и в проеме появляется Игнат. Его взгляд скользит по мне, останавливаясь на телефоне в моей руке. Он не говорит ни слова, просто протягивает руку, и я понимаю, что это приказ. Я кладу телефон в его ладонь, чувствуя, как последняя связь с внешним миром ускользает. Он улыбается, но в его глазах нет тепла.

— Теперь ты здесь, — говорит он, и его голос звучит как окончательный приговор. — Начиная привыкать к этому месту, так как оно станет в скором времени твоим домом.

Игнат закрывает дверь, и я слышу, как шелкает замок. Звук кажется громким, как выстрел, и я понимаю, что теперь я действительно в ловушке. Комната, которая еще минуту назад казалась хоть и странной, но безопасной, теперь превращается в клетку. Я смотрю на окно, но оно слишком высоко, а стекло кажется слишком толстым, чтобы его разбить. Даже если бы я попыталась, кто знает, что ждет меня снаружи? Этот дом, этот мир, в который я попала, словно живет по своим законам, и я не знаю, как с ними справиться.

Я сажусь на кровать, обхватывая себя руками, чтобы хоть как-то успокоиться. Мысли путаются, и я не могу понять, что делать дальше. Игнат. Его имя звучит в моей голове, как наваждение. Кто он? Почему он решил, что я должна быть здесь? И как дальше будет строить моя жизнь, учеба? Вопросы крутятся в голове, но ответов нет. Только страх, который сжимает горло и не дает дышать.

Внезапно я замечаю, что в комнате стало холоднее. Я оглядываюсь, но ничего не изменилось. Или изменилось? Тени на стенах кажутся гуще, а свет от лампы — тусклее. Я чувствую, как что-то невидимое ползет по моей коже, словно пытается добраться до самого сердца. Я закрываю глаза, пытаюсь отогнать это ощущение, но оно только усиливается. Панические атаки для меня не редкость, после походов отчима в мою комнату, так что я научилась с этим бороться.

За дверью снова раздаются шаги, но на этот раз они легкие, почти неслышные. Скорее всего эта та странная женщина с вуалью на голове. Когда дверь открывается, я в этом убеждаюсь окончательно. В ее руках поднос с какой-то едой.

Женщина входит в комнату, ее движения плавные, словно она плывет, а не идет. Ее лицо скрыто под вуалью, но я чувствую, как ее взгляд скользит по мне, изучая, оценивая. Она ставит поднос на стол рядом с кроватью, не произнося ни слова. На тарелке лежит что-то, что должно быть едой, но выглядит это настолько безвкусно и странно, что у меня даже не возникает желания попробовать.

— Тебе нужно поесть, — наконец произносит она, и ее голос звучит как шелест сухих листьев. — Ты должна быть сильной.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, что она имеет в виду. Сильной для чего? Для того, чтобы оставаться здесь? Для того, чтобы выжить? Ее слова звучат как загадка, которую я не могу разгадать. Она поворачивается к двери, но перед тем, как выйти, останавливается и смотрит на меня через вуаль.

— Не пытайся сопротивляться, — говорит она, и в ее голосе слышится что-то, что заставляет меня содрогнуться. — Это только сделает хуже.

Дверь закрывается за ней, и я снова остаюсь одна. Ее слова крутятся в моей голове, как навязчивая мелодия. Не сопротивляться? Как я могу не сопротивляться, когда все во мне кричит о том, что это неправильно? Я смотрю на поднос, на еду, которая кажется чуждой, как и все в этом доме. Но что, если она права? Что, если сопротивление только ухудшит мое положение?

Я закрываю глаза, пытаюсь успокоить свои мысли, но они продолжают метаться, как пойманная в ловушку птица. Игнат, отчим, мама, эта женщина с вуалью — все они словно сплелись в один клубок, из которого я не могу выбраться. Чувствую, как страх снова поднимается в груди, сжимая ее, как тиски. Но я не могу позволить ему взять верх. Нужно хорошо подумать и найти выход. Потому что если я сдамся сейчас, то, возможно, уже никогда не смогу выбраться отсюда.

Я медленно поднимаюсь с кровати, чувствуя, как каждая мышца в моем теле сопротивляется движению. Ноги дрожат, словно они забыли, как держать вес, но я заставляю себя сделать шаг к столу. Поднос с едой все еще лежит там, и я смотрю на него, пытаюсь понять, что это за странная смесь. Что-то серое, липкое, с запахом, который вызывает тошноту. Но я знаю, что должна съесть это. Не ради себя, а ради того, чтобы сохранить силы.

Беру ложку, но рука дрожит, как будто я держу не столовый прибор, а что-то опасное. Первый кусок кажется мне горьким, как будто я ем не еду, а свои собственные страхи. Я глотаю, чувствуя, как комок опускается в желудок, и тут же хочется выплюнуть все обратно. Но я продолжаю. Каждый глоток — это маленькая победа, шаг вперед, даже если я не знаю, куда иду. Вряд ли эти люди планируют меня отравить в первый же день, все таки Игнат видит меня в качестве своей невесты. А она должна быть как минимум здоровой.

Кладу ложку обратно на поднос, после того как большая часть порции оказалось в моем желудке, и смотрю на дверь. Она закрыта, но я знаю, что за ней есть выход. Где-то там, за этими стенами, есть мир, где я могу быть свободной. Я должна найти способ. Должна. Даже если это будет последнее, что я сделаю. Я закрываю глаза и представляю себя там, за пределами этого дома, где воздух не пахнет страхом, а земля под ногами кажется твердой и надежной. Это видение дает мне силы. Я не знаю, как, но я найду путь домой.

11 глава

Утро наступает весьма неожиданно. Не помню, чтобы ложилась спать, но теперь объясняет странный вкус вчерашнего блюда. Снотворное. Весьма оригинально. Решили так успокоить меня на время, чтобы я домочадцев не беспокоила.

Я медленно сажусь на кровати, чувствуя, как голова кружится, словно я только что вышла из долгого сна. Свет из окна кажется слишком ярким, режет глаза, и я прикрываю их ладонью, пытаюсь собраться с мыслями. В комнате тихо, но эта тишина кажется обманчивой, словно за ней скрывается что-то, что я пока не могу понять.

На столе все еще стоит поднос, но теперь он пуст. Ложка лежит аккуратно рядом с тарелкой, как будто кто-то убрал за мной, пока я спала. Меня это настораживает. Кто-то был здесь, пока я была без сознания. Кто-то наблюдал за мной. Мысль о том, что за мной следят, вызывает мурашки по коже. Я встаю, стараясь не шуметь, и подхожу к двери. Она заперта. Конечно.

Я прикладываю ухо к дереву, пытаюсь уловить хоть какие-то звуки снаружи. Где-то вдалеке слышится шаги, но они слишком тихие, чтобы понять, кто это и куда идет. Возможно, это та самая странная женщина с вуалью. Или же хозяин дома. Или кто-то еще, о ком я пока не знаю.

Отхожу от двери и начинаю осматриваться. Здесь находится ещё одна дверь. Скорее всего она ведет в санузел. Привести себя в порядок мне бы не помешало.

Я осторожно открываю дверь, ведущую в санузел. Внутри царит полумрак, лишь слабый свет пробивается через маленькое запыленное окно под потолком. Ванна, раковина, зеркало — все выглядит старым, но чистым, словно кто-то старательно поддерживает порядок в этом уголке дома. Подхожу к раковине, включаю воду и умываюсь, стараясь смыть с себя остатки сна и тяжесть в голове. Холодная вода бодрит, но не приносит облегчения. В зеркале я вижу свое отражение: бледное лицо, темные круги под глазами, взгляд, полный тревоги. Я едва узнаю себя.

Возвращаюсь в комнату и снова оглядываюсь. На столе, рядом с пустым подносом, замечаю что-то новое — маленький конверт, которого раньше не было. Сердце замирает. Кто-то действительно был здесь. Я беру конверт дрожащими руками, разрываю его и достаю сложенный листок бумаги. На нем всего несколько слов, написанных знакомым аккуратным почерком: *"Жду тебя внизу. Игнат."* Они точно следят за мной, раз смогли подсунуть записку за такое короткое время. Оглядываюсь в поисках камеры, но взамен этого натываюсь взглядом на одежду, лежащую на кровати.

Может быть меня отвезут в школу? Глупо так думать, но надежда умирает последней.

Я медленно подхожу к кровати и беру в руки одежду. Она аккуратно сложена, словно ее готовили специально для меня. Простая юбка, блузка и кардиган — ничего лишнего, но все выглядит чистым и опрятным. На мгновение я задумываюсь, стоит ли надевать это, но понимаю, что выбора у меня нет. Моя собственная одежда помялась после сна и выглядит весьма неопрятно. Быстро переодеваюсь, стараясь не задумываться о том, кто именно подготовил для меня этот наряд.

Когда я застегиваю последнюю пуговицу на кардигане, в комнате раздается тихий шелчок. Я резко оборачиваюсь и замечаю в проеме другую девушку. Без вуали. Просто обычную девушку в обычной униформе горничной.

— Хозяин приглашает Вас на завтрак,— говорит она.

Я замираю на месте, глядя на девушку. Ее голос звучит спокойно, почти безэмоционально, но в ее глазах я замечаю что-то неуловимое — настороженность, может быть, или даже жалость. Она делает шаг в сторону, приглашая меня следовать за ней. Я колеблюсь, но понимаю, что сопротивляться бессмысленно.

— Хорошо,— наконец отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.— Я готова.

Девушка кивает и поворачивается, направляясь к двери. Я иду за ней, чувствуя, как сердце бьется все быстрее. Мы проходим коридор, после которого спускаемся вниз по лестнице на первый этаж. Я вижу знакомый мне вчерашний холл. Подходим его, войдя в очередную дверь, где находится, по всей видимости, столовая.

Она оказывается просторной комнатой с высокими потолками и большим окном, через которое льется мягкий утренний свет. Длинный деревянный стол, покрытый белой скатертью, уже накрыт. На нем расставлены тарелки, столовые приборы и несколько блюд, от которых поднимается легкий пар. В центре стола стоит ваза с полевыми цветами, добавляя нотку уюта в эту странную обстановку.

Игнат сидит во главе стола, его руки сложены перед собой, а взгляд устремлен на меня. Мужчина выглядит спокойным, даже слегка улыбается, но в его глазах я вижу ледяную сталь. Он кивает мне, приглашая сесть. Я медленно подхожу к стулу напротив него и сажусь, стараясь не выдать своего волнения. Руки дрожат, и я прячу их под столом, чтобы он не заметил.

— Доброе утро,— говорит он, его голос звучит мягко, но в нем чувствуется некая холодность.— Надеюсь, ты хорошо отдохнула?

Интересно он интерпретирует слова. Отдохнула и вырубилась — это два разных слова. Но я не спешу высказывать свое мнение.

— Почему Вы решили жениться на мне? Зачем я Вам?

Я устала жить в неведении, так что хочу знать для чего я здесь. Почему меня держат взаперти комнаты и как долго это будет продолжаться? Неужели мужчина планирует дожидаться таким образом мое совершеннолетие?

Игнат слегка наклоняет голову, его улыбка становится чуть шире, но глаза остаются холодными, словно ледяные озера, скрывающие что-то глубоко внутри. Он медленно поднимает руку, указывая на стол, уставленный едой.

— Завтрак ждет. Не стоит задавать вопросы на пустой желудок,— говорит он, его тон звучит как мягкое напоминание, но в нем явно слышится приказ.

Я смотрю на тарелку перед собой, но аппетита нет. Мысли путаются, и я чувствую, как напряжение нарастает. Почему он избегает ответа? Что он скрывает? Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд.

— Я не буду есть, пока не получу ответы,— говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри все дрожит.

Игнат замирает на мгновение, его улыбка слегка меркнет, но затем он медленно откидывается на спинку стула, словно взвешивая свои слова. Его пальцы слегка постукивают по краю стола, создавая тихий, но настойчивый ритм.

— Ты хочешь знать правду? — наконец произносит он, его голос звучит почти шепотом, но в нем чувствуется напряжение, как натянутая струна.
— Правда в том, что ты здесь не случайно. Из-за нездорового влечения Данцкого к своей падчерице, ты получила неприличную долю акций, которая должна стать моей.

Я сижу, словно парализованная, не в силах пошевелиться. Слова Игната звучат в моей голове, как удары молота, разбивая все, что я пыталась сохранить в себе и скрыть от других. Из его уст эти слова звучат так грязно, так мерзко, что мне хочется кричать. Я чувствую, как лицо горит от стыда, хотя понимаю, что это не моя вина. Но почему тогда мне так больно? Почему я чувствую себя такой... испорченной?

Игнат наблюдает за мной, его холодный взгляд будто проникает в самую глубину моей души. Он знает, что его слова попали в цель, и, кажется, это доставляет ему удовольствие. Его пальцы продолжают постукивать по столу, словно отсчитывая секунды моего молчания.

— Твой папаша специально женился на твоей матери из-за тебя. Прямо как в романе Набокова «Лолита». И, до вчерашнего дня, ты являлась неким катализатором, пока Лариса не

залетела. Думала, я не узнаю?— от того с какой интонацией Игнат спрашивает меня об этом, мурашки бегут по всему телу. Он знает, что мать – мое слабое место, и в обиду я ее не дам.

— Остановись... Прощу.

— Он переписал на тебя не хилую долю акций. Видимо ждал вашего «воссоединения», но тут появляется новость о грядущем наследнике, и Влад решает отгрызть кусок побольше. А на двух стульях не усидишь, Анечка. Придется сделать выбор: либо ты, либо наследничек,— продолжает он как ни в чем небывало.— А теперь подумай, Птаха, — Игнат слегка наклоняется над столом,— Кто ты в этой игре? Пешка? Или разменная монета? Твой папочка уже сделал свой выбор. И если ты не сделаешь свой, он сделает его за тебя. Только не жди, что он будет играть по твоим правилам. Люди, как он, играют только по своим.

Я смотрю на Игната, и в его глазах вижу не просто холод, а что-то более глубокое, почти зловещее. Его слова, как ядовитые стрелы, пронзают меня, оставляя после себя лишь пустоту и боль. Я пытаюсь найти хоть что-то, за что можно ухватиться, хоть какую-то опору, но вокруг только пыльная почва, которая вот-вот поглотит меня целиком.

— Значит, женившись на мне, Вы получите этот пакет акций и все? — наконец вырывается у меня, голос звучит хрипло, будто я долго молчала.

— Ошибаешься, милая. Это не просто акции. Это власть. А власть — это то, что делает людей теми, кто они есть. Твой отец это понял слишком поздно, когда решил, что может играть в обе стороны.

Я чувствую, как комок подкатывает к горлу, но сглатываю его, пытаюсь сохранить хотя бы видимость спокойствия. Мои пальцы сжимают край стола так сильно, что суставы белеют. Игнат продолжает смотреть на меня, его взгляд неумолим, как лезвие ножа. Он ждет, и я понимаю, что любое мое слово, любой жест сейчас будут использованы против меня. Но молчать тоже нельзя — это будет воспринято как слабость.

— Что будет, если я откажусь выходить за Вас замуж и отдать эти акции?

Игнат медленно улыбается, его губы растягиваются в тонкой, почти хищной улыбке. Он откидывается на спинку стула, словно давая мне время осознать всю тяжесть своего положения. Его пальцы перестают постукивать по столу, и в комнате воцаряется зловещая тишина.

— Если откажешься? — он произносит это слово с такой легкостью, будто обсуждает погоду. — Тогда ты станешь... неудобством. А неудобства, Анечка, имеют свойство исчезать.

12 глава

Расклад для меня, конечно, не радужный. Либо так, либо никак. Класс. Как я и мечтала всю свою сознательную жизнь. Либо стать женой для Игната, отдав ему пакет акций, но тогда от меня не будет никакого толку... Он сможет так и так избавиться от меня. Либо же жить в доме с отчимом, который мечтает меня поиметь. Интересно, как Влад планировал это сделать? При помощи шантажа или же... Брррр... Нет, нафиг. Даже представлять себе этого не хочу.

— Я бы хотела закончить школу и поступить в медицинский...

— Школу закончишь дистанционно. Поступление отложишь! — перебивает меня мужчина, допивая чашку кофе.

Я сжимаю губы, не находя слов, чтобы выразить свое негодование. Кажется, Игнат уже предрешил мою судьбу, не оставив мне права выбора. Но в глубине души я не могу смириться с этой мыслью. Внутри меня кипит протест, желание бороться и вырваться из этой безысходной ситуации, которая нависла надо мной, как дамоклов меч.

Игнат встает, его движения медленные и уверенные, словно он полностью контролирует ситуацию. Я смотрю на него, и внутри меня зарождается странное чувство — смесь ненависти и непрекращающегося страха. Он подходит ближе, и от его пристального взгляда мне становится не по себе.

— У тебя есть время подумать до завтра, — его голос звучит почти обыденно, как будто он вежливо предлагает мне чашечку чая. — Но учти, Анечка, шанс отвернуться от своего прошлого бывает очень редко. И потом не всем он дается снова.

Он делает паузу, смотря на меня чуть снисходительно, словно проверяя, впитала ли я его слова.

— Мне нужны гарантии, что Вы не избавитесь от меня после получения «власти». Официально, на бумагах с копиями, — решила озвучить свои тревоги. — Так же, мне нужна своя недвижимость, где я смогу после совершеннолетия жить. Подойдет и однушка, без разницы.

Игнат оценивающе смотрит на меня, словно взвешивая мои слова. Наконец он медленно кивает, его глаза блестят интересом, но также мне кажется, что в них появляется тень уважения. Он произносит, тщательно подбирая слова, как будто надеется убедить меня в своей искренности:

— Хорошо, Анечка. Ты умна, и я это ценю. Официальные документы — это разумное требование. Мы вернемся к этому разговору позже, но уверяю, ты получишь гарантию безопасности, после завершения сделки. Касаясь остального — решим потом!

Его голос всё ещё остаётся холодным, но в нём слышится что-то, что слегка ослабляет страх, который он на меня нагонял прежде. Почувствовав, что ситуация изменяется, я размыкаю пальцы, и постепенно возвращается ощущение контроля над собственным телом. Это шаг к небольшому внутреннему триумфу — я не намерена позволить себе стать простой жертвой в его манипулятивной игре.

Мужчина вышел из столовой, оставив меня одну. И только тогда я смогла пересилить себя и немного поесть того, что лежит на столе.

Я медленно отодвигаю от себя тарелку, всматриваясь в её содержимое, словно это может дать мне ответы на все вопросы. В голове всё ещё звучат слова Игната, но теперь они воспринимаются чуть иначе — как вызов, как возможность выйти из сложившейся ситуации, держа голову высоко поднятой. Всё это время я искала выход, и вот, кажется, появилась ниточка, за которую можно ухватиться. Я знаю, что впереди много препятствий, но это мой шанс, и я не намерена его упустить.

Необходимо тщательно подготовиться и составить список требований. Первое из них — моя неприкосновенность! Никто, ни один мужик, меня не тронет своим грязными руками.

Хватит! Я долго терпела, больше этого не повторится! Я не буду плясать под чужую дудку и не позволю играть моей жизнью.

Я поднимаюсь со стула, ощущая в себе новую уверенность, и решительно направляюсь к окну. В отражении стекла я вижу свою решительность — это мой бой, и я не собираюсь сдаваться. Вместо этого я начну планировать каждый шаг так, чтобы ни Игнат, ни кто-то другой не мог больше управлять моей жизнью.

Во мне просыпается желание справиться с этой игрой, освоить её правила и начать диктовать свои. Мне придется быть осторожной, чтобы не потеряться в хитросплетениях хитростей и обманов. Все считают меня слабой, но они ошибаются. Отныне я буду наблюдателем и участником, готовым принять вызов своей судьбы.

Я продумываю следующий шаг: изучить каждую деталь, каждую мелочь, чтобы усилить свои позиции. Я напишу свои условия и прослежу, чтобы их реализовали. Этот барьер, который я выбрала для себя, нужно преодолеть самой. Я готова бороться за свое будущее, не зависеть от решений других и быть независимой в своих действиях.

Ощущение внутреннего бунта дает мне силы. Отражение в окне показывает мне новое лицо — лицо человека, готового идти до конца, не вздрогнув перед сложностями.

13 глава

Тем временем в доме Даницкого Владимира Григорьевича.

— Влад, а если Аня узнает правду? Что тогда?— женщина запустила руки в свои светлые волосы и начала монотонно раскачиваться из стороны в сторону на кресле.

— Лариса, успокойся! Она никогда об этом не узнает...

— Но она даже не похожа на меня!— резко выпаливает блондинка, фиксируя взгляд на собеседнике,— Нужно было ещё тогда отдать ребенка в приют!

— Лариса, ты забыла что произошло восемнадцать лет назад? Тебе напомнить? Если бы ты не подожгла ее родителей, этого ничего не было. Скажи «спасибо», что за тобой ещё хвосты подчищали!

— Я не хотела их убивать! — женщина вскочила с кресла, её голос дрожал, а глаза блестели от слёз. — Они сами виноваты! Я... я была не в себе! Я же так сильно тебя люблю, Влад... Пожалуйста... она же с каждым днём становится похожа на свою мать!
— Ты думаешь, это оправдание? — Владимир резко подошёл к ней, сжав кулаки. — Ты уничтожила их жизнь, а теперь живёшь в страхе, что правда всплывёт. Но если ты хоть раз проговоришься, если Аня заподозрит что-то... ты знаешь, что будет.

Лариса опустила обратно в кресло, её тело будто обмякло под тяжестью воспоминаний. Она смотрела в окно, где за стеклом начинался дождь. Жаль он не мог смыть ее воспоминания бесследно.

— А если она всё же узнает? — прошептала она, не отрывая взгляда от окна. — Если она начнёт задавать вопросы, копать...
— Тогда сделай так, чтобы она не задавала вопросы, — холодно ответил Владимир. — И держи себя в руках. Анна — ТВОЯ дочь! Так было, так есть и так останется впредь, тебе это ясно?— он схватил жену за волосы и дернул ее с такой силой, будто хотел снять с нее скальп.

Лариса вскрикнула от боли, но не сопротивлялась. Её глаза наполнились слезами, но она не посмела поднять руку, чтобы остановить мужа. Она знала, что он был прав. Восемнадцать лет она жила с этой тайной, с этим страхом, который с каждым днём становился всё тяжелее. Аня росла, и с каждым годом она всё больше напоминала ту женщину, которую Лариса когда-то так ненавидела. Её черты, её улыбка, даже манера говорить — всё это было как будто живым укором.

— Я не могу больше так жить, — прошептала Лариса, когда Владимир отпустил её. — Каждый раз, когда она смотрит на меня, я вижу её...

Шлепок и щеку пронзила сильная боль.

— Заткнись, пока я тебя не прибил!

Лариса прижала ладонь к горячей щеке, её дыхание стало прерывистым, а в глазах застыла смесь страха и отчаяния. Она знала, что Владимир не шутит. Он был способен на всё, чтобы сохранить их тайну. Ведь именно он подчищал за ней следы и избавлялся от остальных родственников, чтобы скрыть правду. Опустив голову, женщина старалась больше не смотреть ему в глаза, дабы не спровоцировать новый всплеск ярости.

— Я сделаю всё, как ты сказал, — тихо прошептала она, так как в голосе не осталось силы.

— Не сомневаюсь! Иначе тебя не спасет даже беременность,— холодно бросил ее возлюбленный. Мужчина молча поправил манжеты своей рубашки, как будто только что закончил деловую встречу, а не угрожал жизни своей жены, а затем вышел из комнаты.

Лариса осталась одна в комнате, её тело дрожало, а мысли путались. Она смотрела на дверь, за которой исчез Владимир, и чувствовала, как страх сжимает её сердце. Дождь за окном усилился, капли стучали по стеклу, словно пытались достучаться до её души. Она закрыла

глаза, пытаясь заглушить голос совести, который нашептывал ей, что рано или поздно правда выйдет наружу. Но как жить дальше, когда твой мужчина влюблен в дочь покойной соперницы?

Дорогие читатели) Во-первых, поздравляю вас всех с Новым годом и наступающим Рождеством. Во-вторых, я очень рада, что данная книга нашла свою аудиторию, которой интересна данная история. Сама не ожидала от себя, что меня так затянет, и я за неделю смогу написать такой объем. Это всё благодаря вашей поддержки)

14 глава

Я не знаю, как Игнату удалось провернуть в обход родителей это, но теперь мое обучение проходит дистанционно... Как он и говорил. В (не) моей комнате появился ноутбук с детским контролем. С него я могла выходить на определенные сайты для учебы, но не более. Сейчас у меня активная подготовка к предстоящим экзаменам, и я с головой погрузилась в конспекты. Так прошло несколько дней.

Сидя за ноутбуком и пролистывая очередной учебник, я не заметила, как открылась дверь, и ко мне в комнату вошла горничная с подносом, на котором стоит чашка чая и тарелка с печеньем. Она ставит всё на стол, не говоря ни слова, и так же тихо уходит. Любезно с ее стороны, но... Я смотрю на этот чай, и мне становится не по себе. Кто знает, что может быть в этой чашке? Однажды им удалось меня усыпить. Я отодвигаю её подальше, решая, что лучше обойтись без угощений. В этом доме нельзя доверять никому, особенно таким странным горничным с вуалью на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.